

Юность олигарха

Генпрокуратура России сделала все возможное (и невозможное) для повышенного внимания мировой и отечественной прессы к личности Владимира Гусинского. Личность оказалась интересной. Например, мало кому известно, что двадцать лет назад в Тульском драматическом театре Владимир Александрович поставил «Тартюфа»

Неизвестно, когда будет выпущено многотомное издание «История российских олигархов», но наверняка как минимум один том будет посвящен Владимиру Гусинскому. Будущим историкам предстоит тяжелая работа с документами, периодическими изданиями, очевидцами и архивами генпрокуратуры. По всей видимости, труднее всего будет воссоздать разделы «Детство», «Отрочество», «Юность» по вполне понятным причинам: эпистолярное наследие неразвито, дневники не велось, очевидцы путаются в именах, датах и событиях. Это свойство истории — меняться в зависимости от количества и качества документации. Уже сейчас совершенно ясно, что тульский период олигарха будет исследован гораздо хуже бутырского периода. А жаль. Потому что для понимания роли личности в истории важен не только период основной трудовой (олигархической) деятельности, но и предшествующий театальный. Тем более если такая личность! И такая история!

ТУЛА (1980 ГОД)

Весной 1980-го в город Тулу на собственных «Жигулях» приехал молодой дипломник ГИТИСа. Он остановился в гостинице «Москва», выпил жидкого чаю в буфете на первом этаже, осмотрелся по сторонам и, скорее всего, прочел 66-й сонет Шекспира.

Почему именно сонет №66. Во-первых, потому, что он самый популярный, а во-вторых, этот сонет прозвучит основной темой в будущем спектакле «Тартюф», замысел которого уже созрел в голове молодого режиссера. И вообще, если вспомнить советскую жизнь образца 1980 года, то действительно хочется прочесть этот сонет. Повторим и мы его вместе с Владимиром Александровичем.

(Звучит сонет.)
См. дополнение.

Прочитав №66, Гусинский направился в Тульский драматический театр.

ТЕАТР

Гусинский приехал в Тулу не впервые. До этого он уже находился здесь на преддипломной практике с окладом 90 рублей и должностью ассистента режиссера. Ассистировал он (согласно документам) при постановке пьесы Шатрова «Синие кони на красной траве». Кто не помнит, так эта пьеса про то, какой человеческий и близкий современникам был Ленин. Думается, работа над очеловечиванием вождя не увлекла молодого режиссера. Он хотел ставить классику! Мольера! «Тартюфа»! За плечами была учеба в московской «керосинке», служба в частях ПВО, подработки в Тюмени. Так что выбор профессии был не случайной прихотью школьника. И жизненный опыт уже нако-

пился, и первые синяки появились. Но...

Но главным режиссером тульского театра в то время был опытный Рафаил Рахлин. Он руководил театром к тому времени уже 11 лет и был достаточно закален в борьбе с местным управлением культуры. Трудно представить, чтобы выпускник театрального вуза настолько обаял старого театрального волчару, чтобы прямо с порога получить большую сцену и внеплановый спектакль. Рахлин никогда не давал дипломникам боль-

шения. В местной газете «Молодой коммунар» клуб любителей театра с романтическим названием «Огни рампы» начал совсем неромантично клеветать главного режиссера. Упреков было много: и актеры играют в полсилы (а в кино и на гастролях выкладываются), и репертуар никудышный (ну зачем это тиражирование репертуара Москвы? А где пьеса об обороне Тулы? А почему «Левша» не по Лескову, а по Константинову и Рацери?). Сторонники театра вяло отбивались: пьеса об обороне Тулы еще не написана, а «На поле Куликовом» мы скоро поставим. А актеры не так уж плохи, а образ Ленина, созданный О. Корчиковым, весьма интересен.

«Своеобразная политическая школа», — писал о спектакле «Синие кони...» местный комсомольский работник Ю. Лончиков, а критики не унимались. «Ну и что, что вы поставили «Мы,

шой сцены и полноценного спектакля (в лучшем случае — одноактовку).

А Гусинский все получил! Почему? Этого мы не узнаем. Единственное объяснение лежит в области тех свойств, которые позволяют превращаться из режиссеров в олигархов. Но Рахлин поставил два условия. Первое: пьеса должна быть внеочередной и готовиться в свободное от основных репетиций время. И второе: пьеса должна быть принята актерами. Но актеры устроили Гусинскому obstruction.

«Ну и что», — подумал Гусинский и пошел к молодежи театра. И, конечно же, завоевал их сердца, и, конечно же, увлек их идеей. Конечно же, через 10 минут они называли его Володя. Ласково так называли — не Владимир, не Вова, а именно Володя.

Решено было проводить репетиции по вечерам. После основных, плановых. Заканчивали работать в три-четыре часа ночи. Тех, кто жил далеко от театра, Володя развозил на своей машине по домам. Все помнят, что водил машину он прекрасно. «Азартно водил» — так и сказали.

«ОГНИ РАМПЫ»

Справедливости ради следует отметить, что у Рахлина могли быть причины для столь нетрадиционного ре-

нижения. В местной газете «Молодой коммунар» клуб любителей театра с романтическим названием «Огни рампы» начал совсем неромантично клеветать главного режиссера. Упреков было много: и актеры играют в полсилы (а в кино и на гастролях выкладываются), и репертуар никудышный (ну зачем это тиражирование репертуара Москвы? А где пьеса об обороне Тулы? А почему «Левша» не по Лескову, а по Константинову и Рацери?). Сторонники театра вяло отбивались: пьеса об обороне Тулы еще не написана, а «На поле Куликовом» мы скоро поставим. А актеры не так уж плохи, а образ Ленина, созданный О. Корчиковым, весьма интересен.

«Своеобразная политическая школа», — писал о спектакле «Синие кони...» местный комсомольский работник Ю. Лончиков, а критики не унимались. «Ну и что, что вы поставили «Мы,

ЗАМЫСЕЛ

«Тартюф» по Гусинскому выглядит примерно так. Начало — «Жизнь господина де Мольера». Затем, собственно, «Тартюф». И финал опять же булгаковский.

Мольер. С портрета Миньяра. гравюра Ноллен (1885)

«Тартюф» — это, как известно, классика. А классика актуальна во все времена. Вспоминает ли Владимир Александрович сцены из поставленного им спектакля в критические моменты своей жизни? Наверно, да. А может быть, и нет. А мы вспомним.

ПРЕМЬЕРА

За сценой раздается крик ребенка. Входит акушерка (актриса Савченко). Тонкий луч бьет ей в ладонь и трепещет, как сердце ребенка. «Сударыня, осторожней поворачивайте младенца» (это персонаж «от автора», он же Булгаков, он же затем Мольер). Затем звучит сонет №66 (см. дополнение). И начинается «Тартюф». Спектакль наполнен невероятной, почти безумной энергией. Мизансцены сменяются одна за другой. Все актеры присутствуют на сцене весь спектакль. Там же гримируются, пьют чай и начинают играть. Софиты опущены, они — часть декорации. А ряд фонарей направлен на зал — это создает ощущение тревоги.

Публика сразу поняла, что это — «кукиш в кармане». И к тому же весело. И необычно как: Дорина в голубом купальнике, а в знаменитой сцене соблазнения Оргон сам изображает из себя кровать и вылезает из-под нее с рождками. Все смеются. А Тартюф носит на колени. Он ползет за Оргоном, который очищает яблоко, и ест кожуру и мечтает о мести. Но вот первая ключевая сцена в финале. Нет справедливости на земле. Гусинский (за сценой) замирает (все потеряно!).

МОСКВА, ИЮНЬ 2000 ГОДА

Господин Лояль: Горжусь нормандской кровью;
Судебный пристав я по своему сословью,
И, с божьей помощью, уже я сорок лет
Несу свой скромный чин и не страшусь клевет.
Так вот, я с вашего являюсь дозволения
Одну повесточку вручить для исполнения.

Орган: Как? Вы пришли сюда...
Господин Лояль: Волнение вам не впрок.
Ведь это, сударь мой, всего лишь ордерок,
Приказ — очистить дом и службы всем
Семейством,
Незамедлительно, дабы от сей поры...
Орган: Мне? Взять да выехать?
Господин Лояль: Да, будьте так добры.

ТУЛА, 1980 ГОД

Каждый раз спектакль проходит с аншлагом. Тульская молодежь только и говорит о «Тартюфе». Правда, многие считают спектакль просто студенческим капустником. Но при этом даже они признают, что у Гусинского заиграли ранее ничем не примечательные актеры.

(Любопытная деталь: все актеры вспоминают Александра Минкина,

который присутствовал на репетициях и посетил все спектакли. Одним словом, принимал активное участие в процессе работы над «Тартюфом». Говорят, что Гусинский и Минкин были друзьями.)

КИЕВ, 1980 ГОД

Спектакль играют в огромном зале Октябрьского дворца. Перед началом Гусинский и Минкин в париках рекламируют спектакль и продают билеты на Крещатике. На главной улице Киева тогда не продавали пиво через каждые 50 метров. Поэтому люди в париках были крайне нелепы и крайне романтичны.

Перед вторым спектаклем исполнитель роли Оргона ломает руку (по другой версии теряет голос). Выходит Рахлин и обращается к залу: «Хотите, сдайте билеты, а хотите, смотрите замену». Говорят, что это — тоже идея Гусинского. Зал соглашается на замену. Актер Максимов выпивает стакан коньяка и впервые берет текст в руки.

Спектакль проходит удачно. Ближится финал. Справедливость торжествует! Гусинский (за сценой) облегченно вздыхает.

МОСКВА (КОГДА-НИБУДЬ)

Тартюф: Кто, сударь? Я?
Офицер: Да, вы.
Тартюф: Но почему в тюрьму?
Офицер (Органу): Позвольте, сударь, вам ответить, не ему.
Рассейте всякий след тревоги справедливой.
Над нами царствует монарх правдолюбивый,
Монарх, чей острый ум пронзает все сердца
И не обманется искусством хитреца.
Он, прозорливостью великой одаренный,
На все бросает взгляд прямой и неуклонный.
Он увлечения не знает никогда,
И разуму его несдержанность чужда.

Звучат аплодисменты. Опускается полотно. На нем плачущий, не то человеческий, не то конский, глаз. Мольер уходит в глубь сцены. В темноту. По сиреновой дорожке. А вместе с Мольером уходит из театра и Гусинский, который уже никогда не вернется к театральным постановкам. Позже он будет заниматься массовыми зрелищами, частным извозом и бизнесом.

А спектакль вскоре был снят. Его играли всего 14 раз, и посмотрели его 11 600 человек.

Михаил ПИЕВСКИЙ,
спектор «МН», Тула

ДОПОЛНЕНИЕ

Сонет №66

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящаясь ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немоции беззубой,
И прямоту, что глупостью сливается,
И глупость в маске мудреца пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Все мерзостно, что вижу я вокруг.
Но как тебя покинуть, милый друг!